

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ «ПОГРАНИЧНОГО» ТИПА: ПРОБЛЕМА ПОИСКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования Латинской Америки как цивилизации "пограничного" типа. Латиноамериканская культура характеризуется неоконченным процессом формирования и симбиотичностью. Эта особенность стала причиной возникновения масштабной проблемы поиска культурной идентичности, которая в статье рассматривается на примере мексиканского праздника Дня мертвых.

Ключевые слова: цивилизация, идентичность, пограничность.

Анотація: У статті розглядаються особливості формування Латинської Америки як цивілізації "прикордонного" типу. Латиноамериканська культура характеризується незакінченим процесом формування та симбіотичністю. Ця особливість стала причиною виникнення масштабної проблеми пошуку культурної ідентичності, яка в статті розглядається на прикладі мексиканського свята Дня мертвих.

Ключові слова: цивілізація, ідентичність, пограничність.

Summary: An article discusses the features of the formation of Latin America as a "boundary type" civilization. The culture of Latin American is characterized by incomplete process of formation and symbiosis. This feature became a cause of the widespread problems of search for a cultural identity, which in the article is discussed in terms of the Mexican holiday Day of the Dead.

Key words: civilization, identity, borderline.

В современной науке существует широкий круг различных подходов для исследования мировых цивилизаций. Однако наиболее плодотворной на сегодняшний день оказалась концепция, позволяющая типологизировать цивилизации на «классические» и «пограничные». Это дает возможность исследовать разнообразные феномены культуры с учетом всей специфики ее формирования, ментальности этноса, населяющего тот или иной регион, а кроме того позволяет избегать европоцентристского подхода, признавая за

каждой культурой ее уникальность и неповторимость. Несмотря на это, здесь тоже есть свой «подводный камень» - момент исторической динамики конкретной цивилизации.

До XX века исследовательский интерес был обращен, как правило, к «классическим» цивилизациям или субэкуменам, как их определял еще Г. С. Померанц [4, с. 209]. Это западнохристианская, южноазиатская индо-буддийская, восточноазиатская конфуцианско-буддийская, исламская цивилизации, в основе которых лежат мировые религии. «Классические» цивилизации характеризуются гомогенностью, целостностью, монолитностью цивилизационного фундамента. В таких цивилизациях процесс культурного синтеза успешно завершен. Цивилизационному «пограничью», напротив, свойственны гетерогенность, симбиотичность, незавершенность формирования, выражающаяся в наличии синкретической доминанты, высокий уровень архаических элементов в культуре. Ярким примером цивилизации «пограничного» типа может служить Латинская Америка, которая существенно отличается от европейско-иберийского варианта. «Пограничное» положение Латинской Америки обусловлено особенностью ее исторического развития, а именно – столкновением изначально чужеродных цивилизаций – иберийской, индейской и африканской, в результате чего и началось формирование латиноамериканской цивилизации.

Если говорить о европейской составляющей этого межцивилизационного контакта, то для Латинской Америки это, прежде всего, Испания и Португалия. Эти страны населяли довольно близкие по культуре и историческому развитию народы – испанцы (кастильцы),

португальцы, галисийцы, каталонцы. Огромное воздействие на культуру стран Пиренейского полуострова оказала католическая церковь, влияние которой еще более усилилось во время борьбы с арабами, поскольку она проходила под знаменем религии и получила в истории название Реконкисты. Однако к моменту открытия Нового Света, эта изнурительная многовековая борьба с мусульманами завершается. Во второй половине XV века Испания уже являлась единым государством, а с начала XVI века достигла наивысшего политического и экономического могущества в Европе.

К моменту появления испанцев Мезоамерика и Андская область отличались пестротой языковых групп и культур. Важнейшими из них были цивилизации ацтеков, майя и инков. Эти народности имели сходные формы материальной и духовной культуры: интенсивное поливное земледелие, ремесла, системы письменности и календаря, монументальную архитектуру, государственную организацию. Общественная власть принадлежала родоплеменной знати, военным вождям, жрецам. Индейские цивилизации можно назвать также городскими.

Помимо европейских и индейских традиций, существенную роль в формировании культуры Латинской Америки играет и африканская культура, представители которой оказались на территории континента в качестве рабов уже в начале XVI века. В Латинскую Америку ввозились жители Нигерии и Конго, которые и привезли с собой на континент культуру йоруба.

Йоруба – это довольно большая этнолингвистическая группа общей численностью на сегодняшний день 26,2 млн. человек. В средние века йоруба были присущи раннегосударственные образования в виде городов-государств, которые выполняли административные, торговые и многие другие функции. Основное занятие йоруба — ручное подсеčno-огневое земледелие, выращивание различных продовольственных культур, некоторые группы йоруба также занимались рыболовством и охотой. Пантеон йоруба чрезвычайно многообразен и состоит из 401

божества: Олорун – верховное божество, Одудува – божество земли, считающийся первым правителем йоруба, Олокун – бог моря, Огун – бог железа и войны, покровитель воинов, охотников, кузнецов. Важное место в пантеоне божеств занимает Шанго – бог грома и молнии и многие другие.

Таким образом, определяющее влияние на формирование культуры Латинской Америки оказало взаимодействие различных культурных традиций, иными словами, междивизиационное взаимодействие, что и объясняет «пограничность» этой цивилизации. Однако следует отметить, что оно стало возможным в силу целого ряда исторических событий, центральное из которых закрепились в науке под названием «конкиста».

Исследователи-латиноамериканисты сегодня по-новому интерпретируют феномен конкисты. С одной стороны, конкиста – это военная кампания, сопровождавшаяся покорением и истреблением аборигенных народов и приведшая к огромным разрушениям человеческих и природных ресурсов. Однако, с другой стороны, были сохранены некоторые элементы традиционной культуры индейских обществ: община и местное управление. Данное обстоятельство помогло индейцам пережить период завоевания и адаптироваться к новым условиям жизни, быть не только объектом, но и субъектом исторического процесса в колониях. Это то, что касается военного аспекта конкисты, но существует и духовный ее аспект, поскольку завоевание было также и социально-культурным процессом, включавшим в себя христианизацию коренного населения Америки, прививания новых норм и ценностей. Таким образом, конкиста представляла собой целенаправленное взаимодействие народов, культур и традиций.

Поскольку население Латинской Америки не было однородным происходило смешение индейских аборигенов, эмигрантов из Европы и африканцев, силой ввозимых на территорию континента, которое, в конечном счете, привело к грандиозной метисации. Так формировался новый человек – латиноамериканец, рождалась новая культура со своими нормативами, ценностями.

Ситуация, сложившаяся в Латинской Америке не могла не вызвать к жизни масштабную проблему онтологического характера – проблему поиска культурной идентичности. Это связано, в первую очередь, с неоконченным формированием самой культуры, которая до сих пор находится в процессе становления, что и является одним из показателей «пограничности» цивилизации континента. Коллективная культурная идентичность достигается путем осознания единства данной группы по культурному основанию. Если учесть, что в основе латиноамериканской культуры лежат генетически разные культурные традиции, процесс межцивилизационного взаимодействия до сих пор не завершен и проходит на разных уровнях, а этнический состав населения стран Латинской Америки характеризуется неоднородностью, то проблема поиска культурной идентичности здесь является вполне закономерной.

Поиск культурной идентичности проявляется во многих сферах жизни, но наиболее ярко эта проблема заявляет о себе именно в праздничной культуре. В этой связи интересна мысль, которую высказывает мексиканский культуролог О. Пас: «В обрядах – общенациональных, местных, цеховых, семейных – мои соотечественники раскрываются навстречу миру. Это случай проявить себя и встретиться с божеством, родиной, друзьями, близкими» [3, с. 23]. Следовательно, латиноамериканский праздник – это не только веселье, но и определенный способ реализации общественных упований.

Если рассматривать праздник как архаический ритуал, в котором воспроизводится акт первотворения и существующая модель бытия, то неудивительно, что в ритуалах празднования, как отмечает Ю. Н. Гирич, люди пытаются построить и утвердить свою идентичность, иными словами, обрести самих себя [1, с. 330].

В качестве примера можно привести известный праздник День Всех Святых или День мертвых, который в Мексике приобрел наибольшую популярность и самобытность. В его основе лежат католические поминальные праздники День Всех Святых и День

Упокоенных Христиан, которые отмечаются 1 и 2 ноября. Важно отметить, что символами праздника мертвых являются «калаверы» и «калаки» - исключительно жизнерадостные, персонифицированные пластические изображения скелетов и черепов. Как отмечает А.Ф. Кофман, калаверы и калаки скорее принадлежат «этому» свету, нежели «тому»: «Калавера живет исключительно человеческой жизнью: ест, пьет, курит, веселится, занимается любовью, выступает с речами, воюет и т.д., и кроме того, этот образ полностью вписан в рамки общественной структуры, что неизменно подчеркивается профессиональной и социальной атрибутикой: калавера-генерал, политик, спортсмен, модистка, нищий...» [2, с. 230]

Пластический образ калаверы каким он является сегодня, создал знаменитый мексиканский график Хосе Гвадалупе Посада. Он ежегодно делал к этому празднику гравюры с изображениями живых калавер, которые потом вошли в его графическую серию «Калаверас». Эти гравюры быстро приобрели популярность и разошлись большими тиражами. Заслуга Хосе Гвадалупе Посады в том, что именно он придал изображениям калаверы такую жизнерадостность и тем самым внес в этот праздник смеховую стихию, которая ранее не наблюдалась, а теперь делает мексиканский День мертвых уникальным праздником [2, с. 235].

В дни праздника можно приобрести различные сувениры этой тематики, игрушки-калаверы для детей, кондитерские изделия в виде скелетов, черепов и мертвецов. Особенно популярны фигурки, выпекаемые из теста, которые называют «хлебом мертвых». Днем, во время праздника, на улицах города собираются ансамбли народных музыкантов, которые исполняют различные песни, посвященные калавере:

Если б ты мертвец мог бегать,
То тебя б не схоронили;
Раз ты бегать не умеешь –
Волокут тебя к могиле [2, с. 232].

Анализируя этот праздник, прежде всего, важно заметить, что, несмотря на всю его необычность и самобытность, здесь четко прослеживаются мифологические и обрядовые

универсалии культуры. Исследовательница Е. Козлова в дискуссии за «круглым столом» на тему «Праздник как феномен ибероамериканской культуры» отмечала, что в этом празднике можно выявить черты разных культур, некоторые элементы которых являются культурными универсалиями. Так, приводит она пример, почитание умерших предков – типологическая константа, характерная для определенного уровня развития общества, а элементы этого культурного феномена до сегодняшнего дня сохраняются в религиозных практиках [5, с. 379].

Относительно обычая изображать черепа и скелеты, также можно усомниться в том, что он исконно индейский, хотя у ацтеков часто встречались игрушечные черепа из оникса или золота, а также широко известны тепантли – стены из черепов перед храмами на площадях. Но подобные обычаи встречаются и у европейцев. Так, в XIX веке во время праздника Всех Святых в Италии весь день в честь покойника едят и пьют, а черепа из сахара и теста служат игрушками для детей. Кроме того, здесь будет уместно вспомнить и средневековые графические «Пляски смерти», и соответствующие церковные росписи.

Таким образом, Е. Козлова приходит к выводу, что индейская культура обнаруживает себя в этом празднике не напрямую, а в слиянии с типологически близкими явлениями, но это вполне естественно, если учитывать, что в основе всякого народного праздника лежат универсальные матрицы. Но как отмечает А.Ф. Кофман, своеобразие любого праздника определяется характером воплощения этих матриц, а также совокупностью различных деталей, из которых и строится тот или иной праздник.

Одной из особенностей воплощения мифологических универсалий в празднике мертвых – актуализация архаических пластов культуры: «В мексиканском Дне мертвых архаизация проявляется с особой силой и отчетливостью, в целом уже утерянной европейскими праздниками. В этом отношении мексиканский феномен можно рассматривать как ярчайшее выражение характерной черты всей латиноамериканской народной культуры,

в лоне которой нередко получали развитие жанры и жанровые функции, исчезнувшие либо ставшие анахроничными в фольклоре Иберийского полуострова» [2, с. 233]. По мнению А.Ф. Кофмана, подобная актуализация происходит в силу влияния индейской и африканской культур, которые сочетают христианство с автохтонными культурами.

На примере этого праздника можно также проследить восприятие латиноамериканцами категорий «жизнь» и «смерть», которое существенно отличается от европейского. В Латинской Америке жизнь и смерть взаимопроникаемы, в то время как на Западе эти категории находятся в оппозиции по отношению друг к другу. Нерасчлененность разнополярных космических начал была свойственна мифологическому мышлению, в том числе аборигенам континента. А. Ф. Кофман приводит пример ацтекской богини смерти Коатликуэ, которая изображалась в виде беременной старухи. Сегодня же на «карнавале мертвых» можно услышать такую песенку:

Я со смертью, жизнь спасая,

Как-то раз слюбился смело.

Я теперь силен: кося

От меня затяжелела [2, 238].

Кроме всего вышесказанного такое специфически игровое отношение мексиканцев к смерти может объяснить и другой момент: во время праздника народ создает миф о себе и о своей культуре [2, с. 234]. Многие латиноамериканские писатели и исследователи считают, образно выражаясь, что мексиканцы носят маски, благодаря которым пытаются утвердить свою инаковость, в первую очередь, по отношению к европейской культуре.

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующий вывод: цивилизационное «пограничье» характеризуется гетерагенностью и симбиотичностью мировоззренческого фундамента, и как следствие – неоконченной сформированностью культурной системы в целом. Это в свою очередь порождает ширококомасштабную проблему культурной идентичности человека и всего социума. Латиноамериканская цивилизация являет собой яркий пример этих процессов, которые проявляются в праздничной культуре.

Литература:

1. Гирин Ю.Н. Латиноамериканский карнавал и проблема этнокультурной идентификации // *Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре.* – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 400 с.

2. Кофман А.Ф. Мексиканский День мертвых и его культуростроительная роль // *Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре.* – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 400 с.

3. Пас О. День всех Святых, праздник мертвых / О. Пас. Поэзия. Критика. Эротика. – М.: РФО, 1996. – 191 с.

4. Померанц Г. С. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур / Г. С. Померанц. Выход из транс. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.

5. Праздник как феномен ибероамериканской культуры // *Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре.* – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 400 с.